

В. И. Яковлев

Колокола Волго-Уралья в поликультурном контексте

Аннотация: В статье на примере Казани кратко рассматриваются некоторые особенности формирования церковного колокольного звукового ландшафта Волго-Уралья как территории (пространства) взаимодействия разных этнокультур. Колокольные звоны на протяжении многих веков представляли и представляют собой в настоящее время яркий феномен этнической культуры, своеобразную акустическую систему, особый звуковой ландшафт.

Ключевые слова: этноинструментоведение, колокол, campanология, этническая культура, этническое самосознание, этнозвуковой ландшафт, многоконфессиональность, Волго-Уральский регион.

V. I. Jakovlev

Bell chiming phenomenon in the ethnic culture of Volga—Ural region

Abstract: The present study analyzes particular characteristics of the way the church bell tradition was shaping in the Volga-Ural region, a territory, which served as a ground for integration of several ethnic cultures. The study is carried out on the example of the city of Kazan taken as an example. The bell chiming has been a prominent phenomenon of ethnic culture, comprised of a characteristic acoustic system, and representing a special sound landscape.

Key words: ethnic instrument study, bell, campanology, ethnic culture, ethnic consciousness, ethno-audio landscape, multi-confessional, Volga-Ural region .

На современном этапе развития российской этноинструментоведческой науки, несмотря на появившиеся за последние 10—15 лет крупные исследования, монографии, остается целый ряд проблем, изучение которых имеет большое научно-теоретическое и практическое значение. К их числу относятся колокола и колокольные звоны России, оказавшие большое влияние на генезис и развитие духовной культуры многих народов страны, формирование их этнического самосознания и утвердившиеся в качестве этно-

звукового символа (этнозвукоидеала) современной России.

Данные исследования входят в состав campanологической проблематики. Под campanологией как составной частью инструментоведческой науки мы понимаем комплексную, междисциплинарную область знаний, находящуюся на стыке музыкознания, искусствоведения, религиоведения, материаловедения, органологии, этноинструментоведения, этнологии и других дисциплин. Что касается самих колоколов, то это не только храмовые атрибуты, но и ямщицкие поддужные (дужные)

колокольчики, а также разнообразные обрядовые колокольчики, широко используемые в хозяйственной деятельности, традиционно-бытовой практике многих народов России.

Анализ показывает, что campanологическая проблематика весьма детально проработана. В данной связи следует отметить докторские диссертации А. С. Ярешко, Т. Ф. Владышевской, А. Ф. Бондаренко, С. Г. Тосина, А. Н. Гусевой (Горкиной), кандидатские диссертации Л. Д. Благовещенской, А. Б. Никанорова, Е. Н. Хадеевой, ряд других исследований. Создана Ассоциация колокольного искусства России; систематически в разных регионах страны организуются конференции и симпозиумы, фестивали колокольного звона; издается справочная литература по колоколам. Вместе с тем вплоть до настоящего времени многие актуальные вопросы campanологии остаются вне поля зрения ученых. Так, отсутствует четкое определение campanологии как научно-исследовательской и учебной дисциплины, ждет разработки целый ряд смежных научных понятий и терминов. Не изучены роль и значение локально-территориальных особенностей в процессе формирования и развития колокольного искусства России, взаимодействие и взаимовлияние традиций в изготовлении колоколов в разных российских регионах, их конструктивно-морфологическая специфика, своеобразие внешнего оформления, подвески колоколов в храмах, искусство колокольного звона в региональном полиэтническом контексте. Нерешенными остаются также проблемы функционирования колоколов в народной традиционно-бытовой практике.

В этой связи особого внимания заслуживает campanологическая проблематика Волго-Уралья, включая Казань. Этот регион, как показывают материалы этноинструментоведческой науки, был одним из центров формирования ныне единого колокольного этнозвукового ландшафта России.

Волго-Уралье — один из многонациональных и многоконфессиональных регионов России. Здесь на протяжении длительного исторического периода в мире и согласии сосуществуют представители трех языковых групп — финно-угорской, тюркской и славянской, проживают народы, исповедующие мировые религии — христианство, ислам, иудаизм. Кроме того, многие волго-уральские народы в современной традиционно-бытовой культуре сохранили и широко используют ранние формы религии — тотемизм, анимизм, магию, в которых весьма активно используют звуки и тембры колоколов и колокольчиков разных параметров и свойств. Это создает определенные сложности в процессе campanологических исследований и задает их трудно прочитываемый поликультурный дискурс.

Отметим и неизученность региональных центров литья колоколов и колокольчиков, каковыми являлись Казань, Елабуга, Чебоксары, село Порецкое (Чувашия), Ижевск, Сарапул, Глазов, Йошкар-Ола (бывш. Царевококшайск), многие другие населенные пункты региона. Здесь в прошлом было развито колоколелитейное производство, каждый из этих центров, несомненно, сыграл важную роль в распространении колоколов в Волго-Уралье, других российских регионах, где одной из этнокультурных доминант было христианство (православие).

Цель настоящей статьи — на примере Казани кратко рассмотреть некоторые особенности формирования церковного колокольного звукового ландшафта Волго-Уралья как пространства взаимодействия разных этнокультур.

В Волго-Уральском регионе церковные колокола стали известны с середины XVI века. Это было связано с политикой Русского государства на вновь приобретенных территориях, с активными процессами христианизации народов Волго-Уралья: марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей, татар.

Первые упоминания о колоколах, коло-

кольнях, церквах Волго-Уралья содержатся в «Списке с писцовой и межевой книги города Свяжска и уезда (1565—1567 гг.)» и в «Списке с писцовых книг по городу Казани с уездом (1566—1568 гг.)». В Свяжске и Казани в 60-е годы XVI века уже функционировало большое количество церквей с колоколами. Так, об одной из первых казанских церквей — Благовещенской, построенной на территории Казанского Кремля в «Списке» имеется следующая информация: «Церковь соборная Благовещение Пресвятыя Богородицы каменна, поставлена из государевой казны. Да у церкви на площади колокольница деревянная, а на ней колокол блавестный большой с очапом, да два средние, да два зазвонные меньшие, все колокола Государевой казны»¹.

В 60-е годы XVI века в Казани уже функционировало более 20 церквей и почти в каждой из них имелись разные наборы колоколов в количестве от двух до шести. Причем, среди колоколов в «Списке... по Казани» четко выделены установившиеся в церковных уставах и существующие по настоящее время три основных типа колоколов: большие — «блавестники», средние — «красные» и малые — «зазвонные» колокола². Кроме того, в Казани в этот период были известны специальные набатные и ратные колокола, а также часы «самобойные» — «колокол звонит к воротам», т.е. на смену караула³.

Сегодня трудно точно определить, откуда в Казань, Свяжск, как и в другие города Волго-Уралья, доставлялись первые колокола. Однако достоверно известно, что одними из первых строителей, например, казанских церквей были псковские мастера, в том числе Постник Яковлев.

По нашему мнению, первые колокола в Казани также могли быть отлиты именно псковскими колоколелитейными мастерами. В этой связи небезынтересно сравнение ко-

локолов Казани с первыми колоколами близлежащего Свяжска. В Свяжске в начале XX в. был известен древнейший колокол из одного из первых в крае Троицкого монастыря (1551). Судя по надписи на изделии, колокол был отлит мастером Нестором Ивановым в 1560 году⁴. В списке русских литейщиков колоколов XIV—XVII веков, составленном Н. Н. Рубцовым и приведенном в работе «Практическое руководство для звонарей православных храмов», Нестор Иванов отмечен как псковский колокольный мастер, который лил колокол «Корсунский», висящий на колокольне Ивана Великого⁵. Данная информация о мастере и его колоколе относится к 1554 году. Таким образом, колокол для Свяжска был отлит Нестором Ивановым через шесть лет после «Корсунского», т.е. в 1560 году.

В дальнейшем, на протяжении длительного исторического периода и в Казани, и в Свяжске, и во многих населенных пунктах Волго-Уралья количество церквей значительно увеличилось, изменения претерпела их архитектура, звонницы, колокольни. В церквях менялись наборы колоколов, различными были способы звукоизвлечения на колоколах, разнообразными были и колокольные звоны.

Рост строительства в Казани и регионе церквей, несомненно, повлек за собой увеличение количества колоколов, колоколен. В Казани, например, за период с середины XVI по XIX век количество церквей менялось следующим образом. В 1556 году здесь насчитывалось 20 церквей, в XVII веке — 30, в 1739 году — 93 каменных храма и придела, 9 деревянных церквей, в 1764 году — 101 церковь, в 1788 году — 37 церквей, в 1796 году — 29 церквей, в 1822 году — 31 приходская церковь, в 1866 году — 41 церковь⁶.

В Казанской епархии в разные годы отмечено следующее количество церквей. В 1556 году — 10 церквей в Свяжске, не более 10

деревянных церквей в городах-крепостях, не более 30 церквей во всем покоренном крае, в 1623 году — 89, 1678 году — 284, в 1706 году — 500, в 1736 году — 610 церквей и 39 монастырей, в 1862 году — 471 церковь⁷.

Особый интерес для исследования колоколов Волго-Уралья представляют Чебоксары — второй после Казани город, в котором имелось большое количество церквей, колоколен, колоколов. На обилие каменных церквей и колоколен, украшавших здешний берег Волги, указывается в записках «Казанской старины» за 1880 год. Составитель описи «Казанской старины» выявил на чебоксарских колокольнях 122 колокола. Надписи на колоколах, другие материалы свидетельствуют о функционировании в Чебоксарах с 1705 по 1890 годы колокольного завода, отливавшего колокола как для своих, так и для других церквей. На Чебоксарском колокольном заводе работали мастера П. Яковлев, С. Колокольников, Г. Иванов, В. Рязанов, братья Киряновы, А. Плохов, П. Артемьев и другие. В 1880 году колоколотейный завод еще продолжал работать, однако он тогда занимался производством лишь поддужных колокольчиков и бубенчиков. Из отмеченных в описи «Казанской старины» 122 колоколов 117 были вылиты в Чебоксарах. Общий вес всех колоколов — 5 086 пудов. «Выходит, — подчеркивает составитель описи, — Чуксарь город или Шибаксары в отношении колоколов несравненно славнее Парижа и Лондона»⁸.

Исследовательский интерес представляют также изменения в архитектуре колоколен. Например, архитектура колокольни Казанского Благовещенского собора в середине XVI века, вероятно, напоминала псковскую традицию, т.е. звонницу «стенного типа» с арочными проемами⁹. В конце XVII века, по предположению известного археолога Н. Ф. Калинина, на территории Благовещенского собора была выстроена новая — каменная колокольня, в отличие от старой, представ-

лявшая собой тип московской «ярусной» колокольни, в архитектурной основе которой лежали восьмигранники в сочетании с четвериком¹⁰.

Разнообразными были в церквях и наборы колоколов. Мы располагаем материалами о колоколах некоторых казанских церквей XVII—XIX веков, содержащими ценную информацию о весе, внешнем оформлении колоколов, о мастерах-литейщиках, некоторых особенностях приобретения колоколов теми или иными храмами и др.

В качестве примера приведем краткие сведения о колокольных наборах трех казанских храмов — Владимирского собора, Введенской церкви и Никольской Гостинодворской церкви. Так, колокольный набор Казанского Владимирского собора состоял из девяти различных по весу, тембру, внешнему оформлению колоколов. Вес колоколов варьировался от 4-х до 109 пудов. На некоторых колоколах имеются орнаментации: вылиты икона Владимирской Божьей Матери, иконы Спасителя и св. Николая Чудотворца. Отливали колокола Владимирского собора мастера Иван Ефимов (Астраханцев) в 1804 году и Разумов в 1810 году¹¹.

В Казанской Введенской церкви колокольный набор состоял из трех небольших по весу и размерам колоколов: первый весом 4 пуда 17 фунтов, второй и третий — 1 пуд 29 фунта¹². В отличие от Владимирского собора, во Введенской церкви, как отмечал Е. Малов, «особой колокольни нет; колокола помещаются в особой арке, устроенной в крытом церковном здании»¹³. Все колокола Введенской церкви были пожертвованы бывшей начальницей земской школы для народных учительниц А. П. Веригиной¹⁴.

Особого внимания заслуживают колокола Никольской Гостинодворской церкви — одной из старинных церквей Казани. Эта церковь имела каменную колокольню с набором из 13 колоколов общим весом в 407 пудов. Все колокола были отлиты в

г. Слободском Вятской губернии в 1866 г. известными мастерами — братьями Бакулевыми. Некоторые из колоколов имели специальные названия: «Праздничный» или «Воскресный» (204 пуда, 5 фунтов), «Полиелейный» (100 пудов, 20 фунтов), «Вседневный» (54 пуда, 18 фунтов), «Великопостный» (24 пуда, 38 фунтов)¹⁵.

Анализ информации о весе колоколов, колокольных наборах в разных казанских церквях дает возможность представить акустические особенности колоколов, колокольных звонов и в целом звуковой ландшафт Казани. Известно, что от веса колокола, его массы зависит громкость его звучания: чем больше вес колокола, тем громче звучание. Известно также, что чем больше колоколов в наборе, тем богаче и разнообразнее колокольные звоны в выборе мелодических вариантов.

Наши материалы также свидетельствуют о том, что Волго-Уральский регион издавна отличался богатством и разнообразием самого колокольного звона. Например, в Казани по звукам колоколов можно было определить характер происшедших событий. Так, «благовест» своими равномерными ударами «в один колокол» призывал к церковной службе, «трезвон» (звон «во все колокола трижды» или «в три приема») оповещал о большом празднике.

Торжественно звучали колокола к приезду высоких гостей, весело звучали свадебные колокола. «Набатный» или «всполюшной» звон в большой колокол раздавался во время тревоги, пожара, путевой колокол указывал своим звоном дорогу путнику. Как плач по умершему воспринимался «похоронный перезвон». Многие старые казанцы «умели узнавать по звонам соседнюю церковь, где и какого разбора был покойник, где и какого разбора престольный праздник, откуда и куда несут „Владычицу“, или откуда и в какую сторону проехал наш строптивоблагостный „Его высокопреосвященство“»¹⁶.

Во многих звонах важная роль отводилась звучанию не только отдельных колоколов, но

и специальному их набору. В Казани широко были распространены следующие наборы колоколов: «праздничные», «полиелейные», «воскресные», «будничные» (простодневный, вседневный), «завонные» (подзвонные, малые, мелкий звон) и другие¹⁷.

Главным действующим лицом в сложном исполнительском процессе являлся звонарь. Выдающийся общественный деятель, ученый, хоровой дирижер С. В. Смоленский в своей работе «О колокольном звоне в России» очень высоко оценивал исполнительское искусство поволжских и, в частности, казанских звонарей: «Есть отличные звонари и в Поволжье. Здесь можно часто слышать многое оригинальное в фигурациях и в ритмических приемах. Главным образом — это звоны малых церквей, производимые одним звонарем»¹⁸. Опытный звонарь, по словам С. В. Смоленского, мог владеть одновременно двумя или тремя малыми колоколами в правой руке, двумя средними — в левой и одним, а иногда двумя большими колоколами, ударяемыми ногой с помощью педали к веревке подтянутого языка¹⁹. Одним из таких мастеров колокольного звона был звонарь Покровской церкви в Казани Семен Семеныч²⁰.

Смоленский — один из немногих ученых — отметил, что, несмотря на установившуюся церковную регламентацию колокольных звонов, выразившуюся во временной привязке их к богослужению (благовест, перезвон, трезвон), колокольные звоны все же находятся под сильным влиянием народной музыкальной традиции²¹. Это замечание, несомненно, представляется важным в этнокультурном контексте.

Разнообразны были в Волго-Уралье и способы звукоизвлечения колокольного звона: оцепный и языковой. По-видимому, более древним, как свидетельствуют «Списки с Писцовых книг» по городу Казани и Свияжску, был оцепный способ, при котором раскачивали корпус самого колокола, а язык при этом оставался в свободном, неподвижном положении²². Широко известный в настоящее время способ

звукоизвлечения при помощи удара языком по колоколу утвердился в Волго-Уралье позднее — в XVII веке. По всей вероятности, оба способа сосуществовали на рассматриваемой территории до конца XVII — начала XVIII вв.

После октябрьских событий, особенно в 1920-е, 1930-е годы, на территории Волго-Уралья, как и на других территориях России, большинство церквей, колоколов было почти полностью уничтожены. Не избежала этой участи и Казань. Были снесены многие красивые старинные храмы, разрушены колокольни, отправлены на переплавку или разбиты колокола. Поэтому к настоящему времени в казанских церквях, в других храмах Волго-Уралья, наборы старинных колоколов в своем целостном виде почти не сохранились — остались лишь отдельные колокола.

На рубеже 80—90-х годов XX века начался процесс возрождения церквей, колоколен, колоколов, колокольных звонов. Сегодня в Казани, например, колокол звучит на старинной Спасской башне Кремля (по-видимому, здесь сохранился древний набатный колокол) в качестве часового «самобойного» колокола, приводимого в звучание с помощью специального электрического механизма. Колокольные звоны возрождены в некоторых казанских соборах — Никольском кафедральном и Петропавловском, в Евдокиевской и Пятницкой церквях, на кладбищенских церквях Ярославских Чудотворцев на Арском кладбище и Царицынской кладбищенской церкви. Вновь зазвучали колокола в возродившихся монастырях — Ионно-Предтеченском, Успенском Зилантовом женском, в старообрядческом храме — церкви Казанской Божьей Матери. На колокольне возрожденной Варваринской церкви развешен новый набор колоколов, колокола зазвучали во вновь построенном храме Серафима Саровского и др.

Таким образом, колокола, колокольные звоны Казани, многих других населенных пунктов Волго-Уральского региона на протя-

жении столетий представляли собой и представляют в настоящее время феномен полиэтнической культуры (русской культуры, культуры татар-кряшен, марийцев, удмуртов, мордвы, чувашей), своеобразную акустическую систему, особый звуковой ландшафт. Этот древнейший пласт историко-культурного наследия многих волго-уральских народов требует дальнейшего тщательного изучения в поликультурном контексте.

Примечания

1. Список с Писцовых книг по г. Казани с уездом (1566—1568 гг.). Издан Советом Казанской Духовной Академии к IV Высочайшепозволенному археологическому съезду в Казани. — Казань: Типография Императорского университета, 1877. С. 17.
2. Там же.
3. Там же. С. 33.
4. Яблоков А. Город Свяжск Казанской губернии и его святыни. Историко-археологический очерк, читанный в заседании членов церковного историко-археологического общества Казанской епархии. — Казань, 1907. С. 99
5. Рубцов Н. Н. История литейного производства в СССР. Издание 2-ое. М., 1962. Ч. I. С. 9, 95, 105.
6. Айдарова-Волкова Г. Архитектурная культура Среднего Поволжья XVI—XIX веков: модель развития, структура типов, влияния. — Казань: Казанская архитектурная академия, 1997. С. 111
7. Покровский И. Казанский Архипастырский дом, его средства и штаты преимущественно до 1764 года. Казань, 1906. С. 192; Айдарова-Волкова Г. Указ. соч. С. 111.
8. Браславский Л. Ю. Православные храмы Чувашии. Справ. изд. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1995. С. 122—124.
9. Айдарова-Волкова Г. Указ. соч. С. 48.
10. Там же.

11. *Малов Евфимий*. Историческое описание церквей г. Казани протоиерея Евфимия Малова. — Казань, 1884. Вып. I. С. 139—142; *Оловянишников Н.* История колоколов и колокололитейное искусство. Издание второе дополненное. М., 1912. С. 83—84.
12. *Оловянишников Н.* Указ. соч. С. 84.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Смоленский С.* О колокольном звоне в России // Русская музыкальная газета. М., 1907. — XIV г. изд. 4—11 марта, №№ 9—10. С. 275—276.
17. Там же. С. 270.
18. Там же.
19. Там же.
20. Там же. С. 275.
21. Там же. С. 271.
22. Список с Писцовых книг... С. 17.